

# ГОМЕР

ВЛАДИМ ЧЕРНОВ

## Из НЕВИННОМЫССКА

Худ. Н. Харсанин.

(Из повести)

### ПЕРВАЯ ГЛАВА

1.

— Гарик, — сказал мне 28 июля Карапет Комосович, — дорогой, мы — шведы. Под Полтавой бой проигран. И Гончаров ликует...

Я ответил, что еще не все потеряно. До конца месяца два дня, они что-то да стоят. Но все равно я расстроился так, словно мы не выполнили план и нас слушают на комсомольском комитете.

Наш бригадир глянул вниз, на стройплощадку, где демонтировали пути под башенный кран. Мы тогда заканчивали перекрытие дома, в котором должен быть большой книжный магазин и аптека. Наверное, в этом магазине обязательно будут продавать Межелайтиса. Не может быть, чтобы в таком хорошем магазине не было его продавать Межелайтиса. Не может быть, чтобы в таком хорошем магазине не было стихов. Мы всей бригадой договорились, что, если не будет, сообщу напишем письмо в Москву Федину или Соболеву. Они помогут...

— Не получается, — сказал Казанчан. — У нас на сегодня план выполнен на сто четыре в три десятых, а у Гончарова почти сто двадцать, как пить дать. Проигрываем мы, Гарик. И я очень скорблю. Ты просто не представляешь, какая большая скорбь в моем сердце! В Москве не будет представителя бригады Казанчана! Вай, вай, как худо, как больно сердцу!

*Светлой памяти моего отца, коммуниста Сергея Чернова посвящаю.*

Наш Карапет Комосович даже явственно застонал, когда произнес последние слова и положил руку на грудь. Он такой темпераментный человек! Просто удивительно. Очень кавказский, горячий человек, наш знаменитый бригадир. Однажды он привел за руку на стройплощадку работника ЦК или какого-то министерства. Я не знаю. Чуть ли не насильно привел потому, что мы тогда ужасно простаивали из-за раствора. Бетонорастворный узел работал с перебоями. У них там все время что-то не клеилось, а мы из-за этого страдали: полдня работали, полдня слушали, как скрипят зубы нашего бригадира.

Когда Казанчан узнал, что в тресте сидит какой-то большой представитель Москвы, зарычал, наверное, от радости и сказал:

— Гарик, дорогой, поехали трясти орех! Мы бегом спустились на землю. Я вывел из-под навеса свою «Яву», и мы поехали в трест. И чуть не опоздали.

Представитель уже садился с управляющим «Химстроя» и парторгом в машину. Наш Казанчан подошел к представителю и сказал... Он не сказал даже «Здравствуйте», что с ним бывает очень редко. Но тогда Карапет Комосович, наверное, очень волновался и сказал:

— Я Казанчан! Вы видели безобразия на нашей стройке?

Представитель ответил, что еще нет. Казанчан зацокал языком, чуть не заголосил:

— Вай, вай! Идем, дорогой,

покажу...

И взял этого представителя за руку и повел, а я сзади поехал на первой скорости...

После этого мы зажили лучше всех. Можно было подумать, что весь растворный узел работал только на нас. Мы выгоняли из месяца в месяц по два плана и стали знаменитыми. Многотиражка о нас писала, городская газета писала, «Ставропольская правда» писала... Только меня одного три раза фотографировали, а Казанчана, наверное, — сто!

Стали к нам валом валить разные корреспонденты и строчить в своих блокнотах. А мы — ничего. Будто их нет. Трудились так, что лес шумел. А на бригадира корреспонденты действовали. Наш Казанчан становился важным, словно он турецкий бей, а не работяга. Но каждый раз гостям говорил:

— Все в бригаде — мои ученики. Про них пишите, про меня не надо.

Но писали и про него. Писали, что братья Петровы, Вартанов, Ритц в работе не уступают своему учителю.

Это сейчас у нас молодежь — третий, четвертый разряд... Один Казанчан — классик.

Я в те времена был учеником. Правда, работал уже и самостоятельно, но по приказу считался учеником. Меня учили братья Петровы. И Казанчан поглядывал. Я ужасно гордился, что работаю самостоятельно. Вот Петро — это мой школьный товарищ, мы с ним в один день пришли работать на стройку, но попали в разные бригады, — Петро болтался и по приказу и на деле в учениках, а я работал самостоятельно. И потому перед Петькой задирал нос. Это у меня есть. Я иногда бываю несносным пижоном. Просто удивительно, откуда у меня такое? Я, конечно, с этим борюсь, но еще не победил в себе пижона...

Так вот, повторяю, я пижонился перед другом, говорил:

— Ты, Петя, не огорчайся, что до сих пор в учениках маешься. У меня учителя очень славные.

Он взрывался каждый раз:

— Знаешь, Гарька, наш Гончаров

никогда не уступит вашему Казанчану. Он двадцать лет каменщик, а ваш Карапет... тью, тью! Всего десять лет.

Это правда, Казанчан был раньше... учителем. Да, учителем, в школе, а потом стал каменщиком! У Гончарова, конечно, и отец был каменщиком. Это мастер высшего класса, но Казанчан ему, пожалуй, не уступит.

У людей бывают разные способности. Одному надо пять раз сказать, чтобы он тебя понял, а другой на лету хватает. Вот я учился в школе и все схватывал на лету. Слушаю учителей на уроках внимательно, и — законно — дома над книжками сидеть нечего. А Петро сидел. Он такой усидчивый, такой упорный! Поэтому был отличником, а я — нет.

Признаюсь, меня волновало то, что я будто способнее его, а учился хуже. Пытался с ним соревноваться, но потом бросил. А здесь, на стройке, получилось так, что я его обогнал. Первый раз в жизни, если не считать спорта! В спорте у меня кругом первые разряды: по легкой, по шахматам и по стрельбе, а у Петра — только второй по боксу...

Когда мне присвоили разряд, я показал справку Петру и... язык тоже. От радости. Видал-миндал! Теперь кругом я перворазрядник. Он опустил голову — обидно человеку! — и мне стало жаль его.

Я сказал:

— Переходи к нам в бригаду. Я поговорю с Карапетом. Он возьмет!

Петька покачал головой. Он всегда был гордый и упорный.

— Нет, я до конца с Гончаровым! А вот поглядеть на вашу методику — придут.

И он пришел. Посмотрел, посмотрел и молча смотал удочки. Ничего не сказал! Это мне он ничего не сказал, а Казанчану сказал. Что? Ну, этого я не слышал, только Казанчан в тот же день устроил в парткоме великий скандал...

2.

— Карапет Комосович, — сказал я, — вы сами виноваты, что так получается.

Он открыл рот от удивления и,

наверное, с минуту молчал, думал.

— Я виноват? Гарик, дорогой, не обижай меня, пожалуйста! Почему я?

— А кто выдвинул Петровых, Вартанова и Ритца в бригадиры? Вы! А с этим делом можно было и не торопиться. Нет, ослабили бригаду. Остались одни...

Я не договорил, махнул рукой и пошел. Мне было ужасно обидно, что так получилось! Конечно, до конца месяца осталось еще два дня. Но это слабое утешение. За два дня не обгонишь бригаду Гончарова, даже если работать целыми сутками.

«Эх, Карапет, Карапет,— подумал я.— Ужасно ты добрый человек. Отдал лучших мастеров дяде, а теперь Москва — тю-тю!»

Так мог поступить только Казанчан. И тут он не изменил себе. Вот некоторым людям кажется, что наш Казанчан какой-то ненормальный. Все у него не так, как у людей. Это верно, не так, но в то же время так! К нему с обычными мерками трудно подходить. Он настоящий романтик, хотя ему уже под пятьдесят. Про таких в книжках пишут. И правильно делают. Я говорил одному корреспонденту:

— Вы вот пишете про нашего Карапета, а получается у вас неинтересно.

— Почему?— удивился корреспондент.

— Он ведь чудак... Напишите и про то, что он чудак, про то, как он премиальные отдавал. Это интересно, это правда!

— С премиальными ваш Казанчан набузил. Просто не подумал,— сказал мне корреспондент,

— Может, и не подумал, но ведь в этом он весь, как на ладони!— возразил я.

— Верно, на ладони... Ваш Казанчан, пожалуй, самая колоритная фигура на стройке. Но с премиальными у него получилось просто смешно. Смешно, понимаешь?

— Нет, не понимаю! Если Казанчан чудак, пусть чудак! Мне нравятся такие, как он! И я где-то читал, что «чудаки украшают жизнь».

Конечно, мы спорили до хрипоты с Казанчаном, когда он предложил

возвратить в кассу стройки премиальные за те три месяца. Ведь мы были не виноваты, что нас снабжали раствором лучше, чем бригаду Гончарова. Нас снабжали так, как это положено. И работали мы так, как положено. Ворон не ловили. И поэтому премиальные — это наши кровные, трудовые деньги.

И потом, я часто задаю такой вопрос. Почему Гончаров не пошел к московскому представителю? Пошел один Казанчан. Один! А если бы пошел и Гончаров? На растворном тогда бы почесали затылки по-настоящему, серьезно подумали. Ведь одну бригаду залить раствором легко, а вот все бригады... Так, чтобы все каменщики стройки работали в полную силу, без всяких там простоев!

И в партком ведь пошел Карапет Комосович, а не Гончаров. Нашему Карапету — что, бригаду завалили работой. Сиди и не тужи. Но он пошел, когда ему Петька сказал о несправедливости, и добился своего. Вот за это я люблю своего бригадира. И еще за то, что он сказал нам: «Ребята, может, вернем премиальные в кассу?»

Я очень уважаю Гончарова. Это каменщик что надо, но он, я думаю, не сказал бы так, как наш Казанчан: «Ребята, может, вернем премиальные в кассу?»

Гончаров себе дом построил. За трудовые деньги. И «Москвича» купил за свои кровные. Все правильно. А вот Казанчан не купил, хотя получает не меньше Гончарова. И все потому, что он бескорыстный, не гребет под себя. Есть ведь такие люди. И ежели они кому-то кажутся смешными, то я хочу быть смешным. Вместе с Казанчаном...

3.

Я уже собрался ехать, когда ко мне подошел Казанчан.

— Гарик, ты огорчился. Вай-вай! Вижу, что огорчился. Брось, дорогой, давай поговорим, что делать будем. Может, пойдем в комитет комсомола и попросим сделать нам исключение?

— Сегодня не могу,— сказал я,— спешу на стадион. Мне к пяти надо. Старт

ровно в пять.

Казанчан шумно вздохнул и улыбнулся. А он улыбается, как ребенок, ясно, хорошо.

— Прости, дорогой, забыл, что ты сегодня бежишь. Сколько бежать будешь?

— Десять тысяч метров.

— Вай, вай, десять тысяч метров! А меньше нельзя?

— Нельзя. Будто вы не знаете...

— Не сердись, дорогой. Возьми и меня. Будем смотреть, будем болеть. Не возражаешь?

Я нажал на стартер, и мы поехали.

4.

Казанчан сиял, довольный своей победой.

— Дорогой, ты бегаешь, как лось! Но не понимаю, почему пять кругов позади был? Почему сразу не обогнал?

В спорте Карапет Комосович — полнейший профан. Я не стал объяснять ему, что не успел, размяться, а поэтому пять кругов были для меня разминкой.

Я лег на траву, положив ноги на скамейку! Я всегда так отдыхал, отец научил. Мне крепко запал в память его совет: «Ноги притомились, положи их выше головы».

Я ему поверил, потому что знал — отец от Кавказа до Берлина прошел пешком. Он прошел тысячи километров в тяжелых солдатских сапогах и с винтовкой в руках. Вернулся с победой. Ох, как я ждал его с победой в руках! Все взрослые вокруг меня говорили о победе. А я не знал, что это такое. Но спросить стыдился. Я был в детстве очень стеснительным.

Отец поставил вещмешок на табуретку и развязал его. Там было все, кроме победы. А я ждал, что он ее тоже вытащит. Но я не знал, какая она, и очень волновался. Впрочем, победу я представлял себе в виде птицы с большими белыми крыльями.

Я был разочарован и расплакался, повторяя сквозь слезы:

— Папа, а где же победа?

— Отец отцепил от гимнастерки медаль «За взятие Берлина» и сказал:

— Возьми, теперь она твоя...

Это был самый дорогой подарок отца в моей жизни.

...В комитете комсомола подвели итоги соревнования.

— Бригада Гончарова заняла пятнадцатое место,— сказал заместитель секретаря.

— А мы — с тревогой спросил Гарик. — Двадцать шестое.

— Вай, вай,— застонал Казанчан,— Гончаров едет в Москву, а от нас никто...

Печальный Гарик вышел из комитета ВЛКСМ. Уже во дворе его нагнал Карапет Комосович и, поблескивая глазами, возбужденно сказал:

— Не огорчайся, дорогой. Есть идея. Пойдем, дорогой, в партком. Малахов поддержит...

### ТРЕТЬЯ ГЛАВА

1.

Моя бабушка читала толстую книгу. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы отвлечь ее от чтения. Вначале я достаточно тихо сказал: «Добрый вечер, бабуля». Но на нее это не произвело никакого впечатления. Я поцеловал ее в макушку. Она продолжала читать. Лицо бабушки, оставалось суровым и печальным. Видно суровым и печальным было содержание книги.

— Матрена Агафоновна,— взвыл я на полную мощь,— умираю от голода!

Морщины на лбу моей бабушки разгладились, и она сказала тихо, но достаточно внятно:

— Негодяй. Какой негодяй...

Я обрадованно заметил:

— Корми негодяя!

Но бабушка и ухом не повела. Она лишь поправила очки, которые едва держались на кончике ее носа, и сказала:

— Да, да. Идите теперь к себе и спите спокойно.

— Что?— удивился я

...спите спокойно,— повторила бабушка и тут же, не переводя дыхания, заявила: «Викмонд захлопнул дверь, оборвав слова благодарности. Он постоял

немного, подумал, как бы собираясь с мыслями. Голова его кружилась, как у пьяного».

Я наклонился к плечу моей удивительной бабушки и все понял. Она читала вслух последние абзацы четырнадцатой главы «Соленой купели» Новикова-Прибоя.

— А кто же тогда негодяй?— спросил я.

Бабушка, захлопнув книгу, ответила:

— Викмонд. Понимаешь, он — шпион, немецкий шпион, но этого никто не знает. И Лутатини тоже. Викмонд вызвал по радио подводную лодку, и теперь она, конечно, потопит «Орион».

Я поспешил прервать рассказ своей книголюбивой бабушки:

— «Орион» не утонет, а я умру с голоду, бабуля.

— Не умрешь, Гарик. Ты билет взял?

— А как же!

Я вытащил из кармана билет и помахал им, показывая его бабушке. Из-за этого розового клочка бумаги ценой в девятнадцать рублей семьдесят копеек нам пришлось выдержать целый бой. Дело в том, что летом у нас трудно с билетами на Москву. Люди едут и едут. Июль, август — время отпусков. И редкий человек сидит дома, когда у него отпуск. Это раньше люди отдыхали пассивно, а сейчас... качество отдыха измеряется количеством полученных впечатлений. Вот почему, как я думаю, современные люди отдыхают, когда смотрят кино, когда читают книгу, когда путешествуют... Разве это не так?

Ну, а из-за билета, повторяю, мы выдержали целый бой. У кассы выстроилась очередь. Шум, гам, ссоры! Варламов предложил сомкнутым строем врезаться в эту неорганизованную толпу, оттеснить ее от кассы и... Казанчан даже не дослушал до конца этот план. Он выразительно повертел кулаком около носа Варламова, велел ему и Батину занять очередь, стоять чин чинарем, как порядочным людям, а сам начал налаживать дисциплину около кассы. Ему помогал дежурный по станции, охрипший и бестолковый человек в фуражке

железнодорожника. Он то и дело пугал едущих пассажиров милицией, кричал:

— Товарищи, я не ручаюсь за себя, я не ручаюсь...

Я, наверное, тоже не поручился бы за него! Когда вокзальное радио объявило количество мест на поезд Баку—Москва, порядок и дисциплина, установленные стараниями нашего бригадира, полетели к черту. Самого Казанчана, маленького и тщедушного, зажали в углу, и оттуда он позвал нас на помощь.

Рослый Батин, который стоял в очереди, как скала, первым услышал стоны нашего бригадира. Он заорал нам:

— Братцы, спасай Карапета!

Мы сомкнутым строем врезались в неорганизованную толпу и быстро освободили помятого и стонущего Казанчана. А он, почувствовав себя на свободе, снова принялся наводить около кассы порядок. Но на сей раз не без нашей помощи. Казанчан давал лишь указания.

— Орлы, тот серый гражданин лезет без очереди. Убрать его!

Мы очень вежливо убирали.

— Пропустите женщину с ребенком!

Мы пропускали...

А нам билета не досталось. Карапет назвал себя «старым ослом» и приник к окошечку кассы, стал умолять толстую и равнодушную кассиршу:

— Девушка, ты как персик! Дай, пожалуйста, хоть полбилета...

— Местов нету!— рывкнула кассирша басом и перед носом Казанчана закрыла окошко кассы.

Наш бригадир тяжело вздохнул и с болью в голосе сказал:

— Вай, вай, я думал, персик. Зануда, а не персик...

## 2.

Бабушка накрыла стол, а потом снова взялась за «Соленую купель».

— Знаешь, Гарик,— сказала она,— очевидно, страстно желая продолжить плавание на «Орионе»,— ты потом сам прибери за собой. Я, пожалуй, не успокоюсь, пока не узнаю

всю правду про этого негодяя Викмонда.

Я тяжело вздохнул. Знал ведь, что теперь моя бабушка не успокоится до тех пор, пока она вместе с Лутатини не распрощается с прекрасной итальянкой Синтой из Роттердама. А мне через два часа на вокзал...

— Бабуля, — сказал я, — тебе придется подождать.

— Подождать? — удивилась она.

Я читал «Соленую купель» и поэтому обратился за помощью к старому, испытанному методу — пообещал бабушке тотчас рассказать дальнейшее содержание «Соленой купели». Она сняла очки и погрозила мне пальцем.

— Ты этого не станешь делать, Гарик.

— Не стану делать, но и ты подожди.

— Ладно, — покорно сказала бабушка.

В детстве я часто пользовался этой бабушкиной слабостью в своих целях. Надо мне что-либо, так и хожу следом за ней и пересказываю содержание той книжки, которую она не дочитала до конца. Моя бабуся и уши, бывало, затыкала, ругалась и даже шлепала меня. Я, конечно, разревусь, но продолжаю сквозь слезы рассказывать до тех пор, пока бабушка не уступит мне. Наверное, поэтому я стал хорошим рассказчиком и, когда говорю, не сбиваюсь, не заикаюсь в любой обстановке. В этом отношении на нашей стройке никто не может соперничать со мною. Даже наш секретарь комитета комсомола Саша Зинин. У Зинина, конечно, голос солиднее, чем у меня, но у него гладко получаются только речи. И главное, на любую тему! А я насчет речей — настоящий слабак. Они у меня не выходят, наверное, из-за страха перед трибунами. Поднимусь на трибуну и сразу теряюсь. Просто удивительно! Но среди ребят, среди своих я не хуже Цицерона.

Я и попал-то к Казанчану из-за того, что умею рассказывать. Это было три года назад. Мы с Петькой пришли на стройку поступать на работу. В комитете комсомола нас послали на участок. Мы пришли к прорабу.....

Прораб сказал, что принять нас он не может. Ему нужны были специалисты: каменщики, плотники, штукатуры, маляры...

— А вы кто? — спросил прораб.

— Пока никто, — ответили мы и совсем приуныли. В колхозе, к которому была прикреплена наша ученическая бригада, мы были огородниками, выращивали лук, тыквы, помидоры и, конечно, кукурузу, которая вырастала на школьном участке лучше всех в районе.

В это время в конторку прораба зашли Казанчан и Гончаров. Казанчан мне вначале не понравился: маленький, лысый и с красными глазами, он не производил впечатления. Совсем другой был Гончаров. Гончаров — человек представительный, с добрым взглядом и с большими узловатыми руками. Сразу видно, что трудяга.

Прораб к ним обратился с вопросом:

— Кому из вас в бригаду нужны ученики? А то есть тут двое. Школу только закончили.

Гончаров с любопытством и по-доброму оглядел нас, а Казанчан начал, размахивая руками, кричать:

— Дорогой, мне каменщики нужны, а не дети. Работать надо, план давать надо. Учить некогда...

Гончаров оборвал Казанчана:

— Карапет, спокойнее... — и тут же к прорабу: — А я, Иван Иванович, пожалуй, возьму одного.

Петька — к Гончарову:

— Меня возьмите!

— Тебя так тебя. Мне все равно. Спортом занимаешься?

— Нет.

— Хорошо. Мне такие и нужны. А то этих спортсменов одно отпускаяй, то на тренировки, то на соревнования... А работает за них дядя. Пиши, сынок, заявление.

Я умоляюще посмотрел на прораба. И ему, наверное, стало жаль меня.

— Послушай, Иван, — сказал он Гончарову, — может, возьмешь и второго? Они дружки.

Гончаров отказался и вышел из

конторки, а за ним — довольный и счастливый Петька. Я же стоял как оплеванный, и не знал, что делать. Прораб показал глазами на Казанчана, который в это время что-то быстро писал, мол, проси его. Но я не хотел просить этого нервного и, видно, желчного человека. К такому попадешь, не рад будешь!

Прораб сказал вслух:

— Тогда собирайся в колхоз.

Казанчан поднял голову,

— Кому в колхоз? Прораб показал на меня.

— Гордый, Я ему подсказал, чтобы просился к тебе, Карапет. А он гордый...

Я чуть не заплакал и кинулся вон из конторки, но меня остановил голос Казанчана:

— Подойди сюда, дорогой. Вай, вай, какой нервный! Совсем плохо...

Я остановился у двери.

— Почему такой сердитый? Почему такой нервный?

Он подошел ко мне, маленький, сухонький, и был едва мне по плечо. Я смотрел на него сверху вниз. А чуть дальше стоял прораб, тоже не великан, но толстый, как бочонок, весь какой-то круглый и потешно важный. Мне стало смешно. Я решил уколоть их побольнее и величественно уйти. Вот почему я нараспев, не повышая голоса, начал:

- Слушайте слово мое, все, вы, боги и равно богини...

Цепь золотую спустите с пространного неба на землю,

После низвестесь по ней все богини, а также все боги,

Не совлечете верховного вы промыслителя Зевса...

Когда я закончил, Казанчан забегал вокруг меня, смеясь, говорил:

— Вай, вай, дорогой, пойдём ко мне в бригаду работать! Очень прошу! Как тебя звать, дорогой?

— Гомер,— сказал я, растерявшись от такого оборота дела.

Иван Иванович, прораб, обалдело поглядел на меня и громко икнул...

Бабушка отложила в сторону «Соленую купель» и села напротив меня.

— Слушаю тебя, Гарик, горюшко ты мое!

— Это ты мое горюшко. Как начнешь читать, тебе хоть трава не расти. А мне через два часа на вокзал.

— Как через два часа? Ты ведь говорил, что завтра утром идет поезд!

— То кисловодский. На кисловодский не сядешь, будет полно курортников. А сегодня вечером идет бакинский. И мы взяли на него билет. Теперь понятно?

И тут бабушка засуетилась. Оказалось, что мои запасные рубашки не поглажены, носки не высохли, туфли в починке, а в мыльнице нет мыла... В общем, начались суматошные сборы. Можно было подумать, что я собираюсь на Северный полюс, а не в Москву. И не на пять дней, а, по крайней мере, на полгода.

Глядя на такие сборы, я просто ошалел. Но это были цветики. Ягоды оказались впереди, когда ко мне стали собираться ребята из нашей бригады.

Толя Варламов притащил чемодан. «А вдруг, Гарька, у тебя нет чемодана?»

Федя Батин, с которым мы одинакового роста, предложил мне свой нейлоновый плащ и белую шляпу. «Чтобы ты, паря, выглядел в Москве современно!»

Алексей Сажин доканал меня фотоаппаратом. «Твой «Киев-3», Гарик, дерьмо, а это — вещь, которую у меня один фотокорр из ТАСС чуть с руками не оторвал...»

И, кажется, я упал в обморок, когда пришел Казанчан с кожаной папкой. Он, вручая мне папку, сказал:

— Для солидности, дорогой!

Я понял, что сопротивляться бесполезно и поэтому покорно согласился переложить все свои вещи в чемодан Варламова. Затем общими усилиями на меня натянули нейлоновый плащ Батина, через плечо повесили фотоаппарат Сажина, в руки сунули папку Казанчана, а сверху накрыли шляпой из капрона...

Вся бригада пришла в восхищение, оглядев меня с ног до головы. А бабушка

нашла, что я одет... как стилига. Но самое удивительное было то, что никто не заметил на ногах «стиляги» стареньких порыжевших спортсменов.

Пришлось мне самому позаботиться и по пути на вокзал забрать из мастерской свои отремонтированные туфли.

## ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

### 1.

В купе было двое: белый как лунь старик и красивая, но уже пожилая женщина. Женщина читала книгу, а старик с явным подозрением смотрел на меня.

Когда я положил чемодан на верхнюю полку и снял с себя нейлоновое чудо Батина, старик скрипучим голосом спросил:

— Вы, сударь, не ошиблись местом?

— По-моему, нет.

— Посмотрите лучше свой билет, молодой человек.

Я посмотрел, зло покосившись на введливого старика. Чего он от меня хочет? Все правильно, у меня двадцать восьмое место.

— Дайте мне билет,— потребовал старик.

Я отдал. Женщина отложила книгу, улыбнулась мне и спросила:

— А в чем дело?

— Ничего, сударыня,— ответил старик,— все правильно. А вы где взяли этот билет, сударь?

— Купил.

Старик вздохнул и, пытливо глядя на меня, сказал:

— Видите ли, этот билет в кассе покупал я.

Тут я все понял, и мне стало весело. Вот, оказывается, в чем дело! Парень продал нам билет, который для него купил в кассе этот забавный старик.

— Билет мне уступил один гражданин,— сказал я.— Это ваш знакомый?

Но старик как будто потерял ко мне интерес. Он раскрыл свой чемодан и вытащил пижаму. Женщина заметила это, поняла, что старик хочет переодеться, и

вышла из купе, а я — за нею. Поезд как раз выезжал из Невинномысска. Из окна вагона были видны, как в тумане, очертания корпусов химического комбината, который мы строим, огромная труба ТЭЦ.

— Такой завод отгрохали,— сказала женщина,— целый химический город. И быстро! Молодцы!!

Молодцы, конечно, это мы. Мне стало приятно, что так назвала нас женщина, и, честное слово, я проникся к ней симпатией.

— Из окна — что,— с гордостью сказал я.— Из окна почти ничего не видно. А там не только химический завод, целый город построили, дома, как в Москве, настоящие проспекты! Возьмем, к примеру, улицу Павлова. Широкая, вся в цветах...

— Да я знаю,— прервала меня женщина,— бывала здесь в командировке. В прошлом году. И когда возвращалась в Москву, с билетами тоже было — не приведи господи! Пора и здесь аэропорт строить, а то ведь ближайший — в Минеральных Водах.

— Нет,— сказал я.— Есть еще в Ставрополе. С прошлого года реактивные принимает до Москвы. ТУ-124 ходит.

— А я не знала...

Наша делегация полетела самолетом. Из Ставрополя. И она уже в Москве, а я вот поехал поездом. Я люблю ездить поездом. Так интереснее. А самолетом... Ребята говорили мне: «Давай, Гарик, самолетом»,— но я категорически отказался. Но пришлось бы лететь, если бы не тот парень, который продал нам свой билет. Спасибо ему, выручил! И ведь сам назвался. Он, наверное, слышал наши разговоры, видел, как мы все мотались по вокзалу, стучали во все кассы, штурмовали начальника станции. И надо же такое, порядок в очереди установили, а про себя забыли.

Батин мне сказал:

— Хватит, Гарька, ерепениться. Лети самолетом: быстро, удобно, недорого! А с поездом, видишь, ничего не получается!

Мы тут же пошли на вокзальную почту, заказали срочный разговор с аэропортом в Ставрополе. Оттуда ответили, что на завтра и даже на



послезавтра все билеты проданы, а сегодня самолет на Москву уже ушел. Тот самый самолет, на котором полетела наша делегация.

Даже Казанчан растерялся при таком обороте дела и не уставал ругаться:

— Вай, вай, какой я ишак, старый и глупый!

А потом он обрушился на ребят:

— Вы тоже ишаки, только молодые! Почему забыли про билет, почему не сказали: Карапет, подожди наводить порядок, давай билет Гарику покупать!

Вот в это время и подошел к нам парень. Обыкновенный, не выдающийся. Чистенький, в узеньких брючках, обутый в модные остроносые туфли и в летней рубашке-разлетаке, на которой были нарисованы какие-то странные коричневые деревья. Сказал:

— По какому случаю митинг, уважаемые народные дружинники?

Казанчан критически оглядел незнакомца с ног до головы, усмехнулся.

— А мы, дорогой, не дружинники.

— Я думал, дружинники. Лихо вы навели порядок около кассы. Вот и думал, дружинники.

— Мы работяги,— сказал Варламов,— а когда нужно, и дружинники. Стиляг, к примеру, в чувство приводим. Хорошо получается!

Парень улыбнулся.

— В мой огород, старик, камешки бросаешь? Не надо. Я могу и сдачи дать.

— Попробуй!

— Старик, в рабочей робе по городу ходят только некультурные люди.

Варламов обиделся и, оглядев свой, покрытый белыми известковыми пятнами, комбинезон, сказал:

— Ты, культурный, валяй отсюда! Мне не нравятся заморские деревья на твоей рубашке...

— А мне — твоя грязная роба!

Тут уж мы все обиделись за Варламова и взяли парня в кольцо, но он, продолжая улыбаться, вытащил из кармана билет и сказал:

— Гоните, старики, девятнадцать семьдесят — и билет ваш.

Мы растерялись, переглянулись. Батин взял из рук парня билет, внимательно оглядел его и даже зачем-то обнюхал.

— А ведь, братцы, билет настоящий. На поезд Баку—Москва, вагон семь, место двадцать восемь. Убей меня блоха, настоящий!

— Конечно, настоящий! — заверил парень, — берите, и пусть ваш товарищ едет в Москву сегодня, а то он не успеет на совещание молодых строителей Большой Химии. Верно я говорю?

— Верно, дорогой, не успеет,— ответил Казанчан и начал отсчитывать деньги. Спасибо тебе, дорогой. Я — Казанчан, понимаешь? Спасибо тебе от Казанчана!

Парень получил деньги за билет и, насвистывая, пошел к окошечку с надписью «Прием телеграмм, почтовых переводов». Я слышал, как он там сказал: «Девушка, будьте добры, дайте бланк... Нет, мне нужно молнией!»

*— Будем знакомы, сударь,— сказал старик.— Я — Набоков Евгений Петрович, археолог.*

*Женщина улыбнулась:*

*— Наталья Петровна Сергеева, химик.*

*Гарик пожал своим попутчикам руки, смущенно сказал:*

*— Гарик... вот так. Кубанин моя фамилия.— И тут же он обратился с вопросом к Набокову:— А парень, что билет нам продал, ваш знакомый?*

*— Да. Зовут его Слава. Хороший он парень! Он очень спешил к любимой девушке, но отдал свой билет вам.*

*Гарику стало вновь стыдно за то, что его друзья чуть не поколотили Славика. Он подумал о девушке, которая ждала Славика в Москве, не обидится ли она?*

Я хотел закурить, но меня остановил голос Евгения Петровича:

— Не курите, пожалуйста, в купе. Я не переношу табачного дыма, хотя в свое время кадил, как паровоз. А потом у нас здесь женщина и... — он обвел

взглядом купе, и заметив на столике превосходный букет роз, закончил с какой-то радостью, — и даже цветы!

Розы снова мне напомнили о девушке, которая в Москве ждет Славика. Но Славик еще в Невинномысске, а в Москву еду я. Он поедет завтра. Жаль, что Варламов не извинился перед ним, очень жаль...

И еще мне жаль, что я не знаю, где искать девушку Славика. Найти бы ее и подарить ей цветы! Сделать тоже добро. И я найду! Она, наверное, любит цветы.

И когда человек дарит другому человеку цветы — это очень хорошо!

Я оглядел своих спутников. Евгений Петрович, закрыв глаза, дремал, а Наталья Петровна читала книгу. Мне стало немного грустно. До Москвы целые сутки. Это значит, что на двадцать четыре часа я обречен на бездеятельность. Ну, а когда приеду, что буду делать? В первую очередь, надо сразу в ЦК комсомола, там узнаю, где наша делегация. Вот они удивятся, особенно Гончаров! Спросят:

— Гарька, как ты сюда попал?

— Очень просто, поездом.

— В отпуск?

— Нет. Тоже на совещание, как и вы.

— А кто же тебя послал?

— Бригада, вот кто!

Зинин, наш секретарь комитета, конечно, скажет: «Непорядок! Это все штучки вашего Карапета, я знаю!» Ну и пусть знает! А может, ему все рассказал Малахов? И вообще, какие могут быть у Зинина претензии? У меня командировка бригады. И есть копия протокола. Мне ее вручил Казанчан: «Гарик, дорогой, это тебе вместо командировочного удостоверения. Покажешь его в ЦК, чтобы там считали тебя полноправным членом совещания. Без никаких, понятно?»

Наш протокол получился ничего! Настоящий документ! Выглядит солидно и заверен круглой печатью стройкома. Казанчан бегал заверять. Ему не хотели ставить печать. Мол, глупости это. Но наш Казанчан пошел к Малахову. Малахов пришел в стройком, сказал: «Товарищи, не имеете права не ставить. Собра-

ние было законным». И печать поставили рядом с подписью председателя собрания Батина.

## ПРОТОКОЛ

*общего собрания бригады каменщиков коммунистического труда К. К. Казанчана от 30 июля.*

*Присутствовали: все, 22 человека, а также секретарь парткома «Химстроя» В. Малахов.*

*Слушали: сообщение бригадира К. Казанчана о работе нашего коллектива за июль.*

*Тов. Казанчан сказал, что итоги социалистического соревнования между комсомольско-молодежными бригадами «Химстроя» подведены в комитете ВЛКСМ за 28 дней июля. Бригада, выполнив план на 105 процентов, заняла 26-е место и, таким образом, не получила права выдвинуть своего представителя в состав делегации стройки, которая едет в Москву на совещание молодых строителей Большой Химии. Тов. Казанчан проанализировал причины, помешавшие бригаде работать в июле более производительно, и внес предложение послать своего представителя в Москву за счет бригады.*

*Постановили:*

*1. Августовский план выполнить не менее чем на 125 процентов.*

*2. Поддержать предложение тов. Казанчана о командировании на совещание молодых строителей Большой Химии представителя за счет бригады.*

*3. Обязать выбранного представителя выступить на совещании в Москве с толковым рассказом о том, как живет и трудится коллектив бригады на химической стройке.*

*Представителем бригады единогласно выбран каменщик четвертого разряда, комсомолец Гомер Иванович Кубанин.*

*Председатель собрания (А. Батин).*

*Секретарь (А. Петрова).*

Я этот протокол сберегу, пожалуй, для потомков. А что? Внукам буду показывать. Вот, мол, ваш дед по каким мандатам ездил в Москву! И потом, когда совсем постарею, сдам его в Музей Революции. Там он целее будет...

Всем нравился мне протокол, но один пункт приводил меня в смущение. Какой? Под номером три. Ну, что я могу рассказать о бригаде? Вообще-то конечно, могу, у меня язык не хуже ног тренирован, но ведь надо выступать с трибуны! Варламов сказал: «Ничего, Гарька, тебе в ЦК помогут текст выступления написать. Люди там умные, грамотные». А наш Карапет мне кулак показал: «Без текстов, дорогой, хватит с тебя одного текста, который уже был». Это он на мою статью в газете намекнул. Я покраснел. Мне всегда неприятно вспоминать про эту статью! А потом Казанчан полез в карман и вытащил свою записную книжку. В ней же чего только нет! Разные там цифры плотности кирпича, известняка, туфа... адреса друзей и даже отрывки из стихов. Но то, что там есть даже указы Петра I, я не знал. И никто не знал.

Так вот, Казанчан выписал из книжки один указ и дал бумажку мне.

Держи, дорогой, при себе, как памятку. Малахову стало интересно. Он попросил:

— Почитай, Кубанин, всем. Что он написал?

Я прочел: *«Указываю господам сенаторам речь держать в присутствии не по писанному, а токмо своими словами, дабы дурь каждого видна была всякому.»*

*Ежели господам оным не вмогуту сие будет, бить же их батожьем допрежь дурь оных не выбита будет.»*

Секретарь парткома смеялся до слез.

— Не знал этого. А ведь правильный указ. Подумай над ним, Кубанин.

Казанчан самодовольно улыбнулся и сказал:

— Я этому их, дорогой, тоже учу — думать. Иначе, какой из меня бригадир!

Он учит нас думать своей головой.

Что ж, это верно. Не зря ведь наш Карапет закончил перед войной педагогический институт, был учителем истории!

Казанчан немного поработал в школе. Потом он был «зэком», лет пять, наверное, и об этом нам рассказывал мало, неохотно. Обвинили его в свое время в том, что он, Казанчан, агент империалистической разведки, и послали его строить «Соцгородок». Там он и стал каменщиком. К профессии учителя больше не вернулся.

Однажды я начал расспрашивать Казанчана:

— Вас за что посадили, Карапет Комосович?

— Ни за что, дорогой.

— Но ведь обвиняли в чем-то?

Он отвечал с какой-то внутренней болью:

— Обвиняли, спрашивали, чей я агент и кому хотел продать Армению?

— А вы?

— Ничего, дорогой, удивлялся. А потом «признался».

— В чем признались?— В том, дорогой, что я хочу присоединить Армению к Уругваю.

Он подписал глупейшее признание. Анекдот, а не признание! И это у меня никак не укладывается в сознании. Надо было стоять на своем. Мужественно, до конца, а Казанчан сдался. Когда он меня ругал на чем свет стоит за статью в газете, я разозлился и сказал ему:

— Карапет Комосович, я согласился поставить свою фамилию под статьей, которая, конечно, скучная, но правильная. Тут большой беды нет. А как же вы подписали клевету на самого себя? Как вы подписали глупейшее признание, не пойму?

Казанчан заорал на меня:

— Ты ишак карабахский!..

И так звезданул меня по шее, что я еле удержался на ногах. Маленький, черт, а сильный.

*...Гарик вышел из купе и стал около окна, задумался, глядя, как поезд пронесет его мимо деревень и полей... О чем он думал? Кубанин думал о том, как однажды*

корреспондент краевой газеты попросил его написать статью о дружбе в бригаде Казанчана. Гарик отказался.

— Ладно,— сказал тогда бойкий корреспондент,— я за тебя напишу с твоих слов. А подпись будет твоя. И гонорар получишь...

Гарик не выдержал настойчивых просьб и согласился.

Скоро появилась в газете статья, правильная, но скучная и шаблонная. Она удивила Казанчана. Огорченный Гарик признался:

— Не я писал статью.

— Не ты?— возмутился бригадир и крепко отругал Кубанина.

«Прав ли был Казанчан?» — подумал Гарик и оглянулся. И тут он увидел, что в тамбуре стоит девушка. Это была Люда. С нею разговаривал черноволосый парень.

— Таким, как вы,— сказал Гарик Люде,— наверное, всегда дарят цветы. Везде: на Северном полюсе, в Сахаре...

— А в поезде?— кокетливо спросила девушка.

Гарик молча повернулся и побежал в свое купе.

## ПЯТАЯ ГЛАВА

### 1.

Мое появление в купе было таким стремительным, что Наталья Петровна выронила от неожиданности книгу, а Евгений Петрович, до того дремавший, проснулся.

— Простите, товарищи!— сказал я и оглядел букет роз, стоявший на столике. Ничего были цветочки! Алые, белые, желтые... Желать лучшего не надо.

— Наталья Петровна, дайте мне, пожалуйста, половину букета!

Она отрицательно покачала головой.

— Не могу, милый.

— Я вас очень прошу. Пожалуйста! Евгений Петрович почему-то поморщился, спросил скрипучим голосом:

— А зачем вам, сударь?

— Надо,— сказал я и решил быть совершенно искренним. Это действует на

пожилых людей как кипяток на лед. Они тают, смягчаются, может, потому, что большинство из них страстно хочет видеть нас, молодых, искренними до конца, а мы, к сожалению, не всегда бываем искренними перед стариками. Нам кажется, что они не поймут нас. Но это неправда. Поймут, должны понять, хотя бы потому, что были в нашем возрасте.

— Я хочу подарить цветы девушке. Понимаете, она стоит того, чтобы ей дарили цветы. И потом, я обещал. Конечно, я могу оплатить стоимость роз...

— Платить? Что вы, голубчик! Если девушке, берите. Весь букет берите!

— Ой, какое вам большое спасибо!

— А вы с нею знакомы?— спросила Наталья Петровна.

— Нет, но сейчас познакомлюсь.

### 2.

Букет я держал за спиной.

— А где цветы?— спросила Люда.

— Вначале скажите ваше имя,— потребовал я.

Мехти делал вид, что происходящее его не интересует. Он смотрел в окно. Я видел его профиль. А красивый он парень! Мне с ним трудно тягаться. У меня нос картошкой...

Мне стало ужасно обидно за то, что я родился не таким уж красивым. Но хорошо, что я расторопен на язык и вообще довольно веселый парень. «Свой в доску»,— так называла меня бабушка в детстве. И я решил этим воспользоваться. Показав на Мехти, молчаливого и гордого, я сказал:

— Ваш сосед напомнил мне стихотворение одного поэта. Оно называется: «Молчаливый и грустный». Прочитать?

— Попробуйте, — милостиво согласилась Люда.

— Тогда слушайте.

Человек, молчаливый и грустный, в одиночестве ночью лунной перебирал свои ребра, словно гитарные струны.

Лирическое настроенье?  
Магические движенья?  
Меланхолические вздохи?  
О, нет! Гитаристом он не был...

Я сделал паузу и потом выпалил последнюю строку стихотворения:

...человека кусали блохи.

Она взорвалась смехом. А когда поутихла я спросил:

— Знаете автора?

Мехти повернулся ко мне лицом и ответил вместо нее:

— Француз РоберМаллэ. А теперь катись, я устал.

Мальчики, не ссорьтесь!— воскликнула Люда. И дернула Мехти за рукав.— Мехти, это все вы.

— Наверное, он никогда не дарит девушкам цветы,— глубокомысленно изрек я и протянул Люде розы.

Вначале она недоуменно смотрела на них, потом воскликнула: «Неужели!» — и начала смеяться как сумасшедшая.

Можно было подумать, что я подарил ей не цветы, а очень смешную игрушку.

3.

—Ты где взял цветы?— спросил Мехти.

— В своем купе,— сказал я с недоумением.— А что?

— Ничего,— ответила Люда,— за цветы вам большое спасибо. Очень большое! И теперь давайте знакомиться. Люда.

Она протянула мне руку.

— Гарик.

— Ну, вот, Гарик, а это Мехти. Мехти, познакомьтесь!

Мы познакомились, и я спросил.

— Чего вы, Люда, смеялись?

— Потому что было смешно.

Мехти сказал:

— Ты не обижайся, ладно? Эти цветы уже один раз дарили Люде. Сегодня утром...

Я просто обалдел после его слов. Пожалуй, никогда в жизни я не чувствовал себя так глупо.



— Мехти подарил,— сказала Люда.

4.

В нашем купе долго стоял гомерический смех. Смеялись все: Евгений Петрович, Люда, Мехти, Наталья Петровна и даже я. А что мне оставалось делать?

— Голубчик,— сказала мне Наталья Петровна,— я даже не подозревала, что моя дочь пользуется таким успехом у молодых людей.

— Владычица, — перебила ее Люда, — владычица, ты должна гордиться!

— Я горжусь.

— Вот так,— удовлетворенно заметила Люда и подмигнула нам с Мехти.

...Люда пыталась по внешнему



виду Кубанина определить его профессию. Папка Казанчана, шляпа Батина, знание Гариком стихов из «Иллиады» сбили девушку с толку. Она сказала, что Кубанин — журналист. Он, не желая проиграть в глазах девушки, согласно кивнул головой.

— Вы будете писать о стройке?

— Да, да, — заикаясь, пробормотал Гарик.

Значит, вы, сударь, собрали интересные факты, — вмешался Набоков. — Свяжите их воедино большой мыслью, получится любопытнейший очерк о том, зачем люди строят химический завод и что это им даст.

Гарик вспомнил, что примерно то же советовал ему Казанчан, когда разговор шел о вы-

ступлении на совещании в Москве. И его начало мучать сознание того, что он, в сущности, не знает, зачем люди строят на земле заводы, фабрики, города, мосты, дороги...

В поезде люди разговорчивы.

И выяснилось, что Мехти — студент Ленинградского университета, что он альпинист и будущий философ и скоро отправляется с товарищами на Памир. Люда — тоже студентка, только Московского университета.

Евгений Петрович оказался не просто археолог, который умеет рассказывать о Шлимане, о Трое и различных находках историков. Это еще человек огромного ума, большого обаяния и

*мужественный коммунист. Он уроженец Невинномысска, бывший рабочий шерстомоторной фабрики, участник революционных боев.*

*Гарику стало стыдно за свой обман.*

*- Я обманул вас, - сказал он своим попутчикам и вытащил из кармана протокол собрания. - Мне не очерк нужно писать, я должен выступить на совещании. А вот как, не знаю...*

*- Молодец, что сознался, - сказал старый археолог. - Уважаю правду!*

*И тут же он предложил всем помочь Гарику: пусть каждый расскажет о себе, о химии, о Невинномысске...*

5.

О нашей стройке, о бригаде Казанчана, о своей жизни я рассказывал, наверное, два часа. Закрывал глаза, чтобы было темно, и рассказывал. Без остановки, так, словно читал интересную книгу.

Когда открывал глаза, видел, что моим новым друзьям тоже интересно. Они смотрели на меня, слушали так, словно я какой-нибудь бард. Даже Мехти, который вначале донимал меня своими репликами, в конце концов умолк. А я заливался соловьем! Знаете, это бывает, когда несет тебя, как по волнам корабль. И белые паруса — тугие, полные ветра...

Я рассказывал с закрытыми глазами, откинув голову назад, в тень. Но Люда заметила, что у меня, закрыты глаза, и очень удивилась.

— Смотрите, смотрите, Гарик уже засыпает,— сказала она.

— Я не сплю, Людочка,— сказал я.

— Но у тебя были закрыты глаза!

— Свет мешал рассказывать. Вот и закрыл.

Мехти не удержался, пустил шпильку:

— Под Гомера работал? Признайся, работал?

— При чем тут Гомер? - возмутился я.

— А притом, что мало называться только Гомером. Надо быть и «слепым», как он!

6.

— Кстати, — сказал Евгений Петрович, обратившись ко мне, — почему вам дали такое имя?

— По желанию бабушки. Она давно мечтала иметь внука и назвать его Гомером. Но мама рожала только девочек. Трех подряд! А потом уже выпал мой черед...

— Последыш, значит,— заметила Наталья Петровна.

— Как видите. И на мне бабушка отыгралась сполна.

— Но почему ей пришла в голову такая фантазия?

— Это длинная история.

— Расскажите ее.

У моей бабушки совершенно здоровая фантазия. Она может, конечно, додуматься до необычного, но это неплохо. Главное, что глупое не посещает ее ясную и по сей день голову. А ведь человеку за шестьдесят...

Она закончила два класса церковно-приходской школы и едва умела писать. А читать не любила по той простой причине, что наивно предполагала, что все существующие книги так же скучны и неправдоподобны, как Библия или Евангелие, которые были единственными учебными пособиями в ЦПШ. Поп, выступавший в роли ее учителя, сделал, наверное, все, чтобы убить любознательность в девочке, которая стала потом моей бабушкой.

Это просто чудеса! Моя бабушка за первые двадцать лет не прочла ни одной книжки, была к ним глубоко равнодушна, но потом равнодушие сменилось пламенной любовью к книгам. И это заслуга моего дедушки, которого я никогда не знал и не видел. В мире не сохранилось его портрета. Говорят, он был рослый и очень сильный человек и я чем-то похож на него. Он носил вислые казацкие усы, хотя не был казаком. Иногородний, вот кто был Григорий Сбойчаков — один из первых большевиков-агитаторов в Невинке.

Дед появился на Кубани в шестнадцатом году. А вот откуда, были ли у него родные, никому не известно, даже бабушке.

Мой дед был, как говорит бабушка, очень образованным человеком. Он знал иностранные языки, много читал и содержание книг часто пересказывал бабушке. И это она помнит по сей день.

Когда произошла Октябрьская революция, дед организовал небольшой отряд и дрался против белых. А в восемнадцатом году его убили в одной из схваток, ударив по голове крест-на-крест шашками. Немного позже родилась моя мама, чем разочаровала бабушку, которая ждала сына.

По идее Гомером должна была быть моя мама, но бабушка после некоторого размышления пришла к выводу, что Гомера звучит по меньшей мере как анекдот и отложила осуществление своей мечты до лучших времен. Ей пришлось ждать двадцать пять лет.

Знакомство с моим дедом было для бабушки величайшим событием жизни. Дедушка помог ей посетить не только страну любви, но и страну знаний. Путешествие по первой было ярким, как солнце, но коротким до обидного. Дедушку зарубили белые. А путешествие по стране знаний моя бабуля продолжает и по сей день...

Книги, которые так любил мой дедушка, стали для бабушки родными существами, а те, кто их создает,— властителями ее дум.

В начале восемнадцатого года в Невинке образовался ревком. В нем работала бабушка обыкновенной уборщицей, но это не мешало ей участвовать во всех делах родной станицы и даже быть в числе тех большевиков, кто создавал Советы депутатов трудящихся. Бабушке предложили возглавить женотдел, но она отказалась, считая себя малограмотной, и осталась уборщицей. Когда в Невинке восторжествовала контрреволюция, ее чуть было публично не повесили на той площади, где сейчас стоит памятник Ивану Кочубею. Бабушку спасло то, что она была беременной и ее «мелкая» роль в ревкоме.

Между тем пришло известие о гибели дедушки. Бабушка, полня горя, дала клятву никогда больше не выходить замуж

и сдержала ее.

Вспомнив, что дедушка был книголюб и что именно он открыл для нее и мир любви и мир книг, она оттолкнулась от этого. Имя величайшего писателя земного шара — вот что ей было нужно. Но бабушка еще не знала всех больших, писателей и поэтому обратилась за помощью к комиссарам из ревкома.

Комиссары морщили лбы, но революцию их учили делать не писатели, а философы, имена которых Карл Маркс и Фридрих Энгельс. И они плохо знали писателей.

Лишь один из них — чахоточный учитель из Армавира — ответил бабушке:

—Гомер,— сказал он.— Это имя не забыли люди за три тысячи лет!

Вот так бабушка нашла мое имя.

*...Из рассказов Набокова Гарик узнал, что его город совсем юный. Он образован в 1825 году. До 1825 года на месте Невинномыска были лишь временные солдатские поселения.*

3.

Мы легли спать во втором часу ночи. Быстрее всех заснул Евгений Петрович. Он, видно, утомился. Его примеру последовала и Наталья Петровна. Лишь я и Люда еще долго тихо говорили о разном.

Мы лежали на верхних полках напротив друг друга. Лицо Люды, освещенное синим светом ночника, казалось бледнее обычного и было строгим и красивым. Я смотрел на нее, испытывая радость, и думал о том, какое чудо это — живая человеческая красота! Сколько она доставляет наслаждения. Гораздо больше, чем любое самое лучшее произведение искусства.

Люда сказала:

— Что ты смотришь на меня так?

Я смутился. Она засмеялась и вдруг спросила:

— Правда, я красивая?

— Правда.

— А мне кажется, нет. Но я очень хочу быть красивой. Ты не подумай ничего плохого! Я просто хочу быть красивой и



радоваться этому. Красивой быть приятно...

— И еще сильным,— сказал- я,— и мужественным, и честным, как мой отец.

— А где твой отец?

— Умер.

— Давно?

— Нет. А твой где?

— Не знаю. Ты счастливый.

— Счастливый? У меня нет отца, он умер, потому что есть страшная болезнь. Называется лейкомия.

— Это белокровие?

— Да. У человека отказываются работать кроветворные органы, и он умирает. И врачи тут бессильны.

— Но ты все равно счастливый. Твой отец живет в твоей памяти. Я своего ни разу не видела, не говорила с ним.

— Почему?

— Он был летчик. Его сбили в сорок пятом. Наверное, сбили. Он вылетел по заданию и не вернулся. Меня еще не было на свете, а его уже не стало.

— Но все равно он живет в тебе.

— Я же говорю, не видела его. Я не знаю, какие у него были глаза, рот, руки... Не знаю, как звучал его голос.

— А ты посмотри на себя. Разве ты не видишь, какие у тебя глаза, руки, лоб... Это глаза, руки, лоб твоего отца.

— Тогда что у меня мое?

— Все. Разве этого мало?

— Чудак ты, Гарик. Но спасибо тебе.

— За что?

— Просто так, спасибо. «Я, наверное, влюбился в нее, — подумал я.

—Надо ведь такое!»

Люда улыбчиво смотрела на меня.

#### 4.

Мне приснился странный и необычный сон. Я стою на берегу Кубани и будто бы кого-то жду. Вокруг никого нет, только внизу шумит река, но я не обращаю на это внимания. Я с тревогой оглядываюсь и думаю: «Когда они придут?»

Скоро в розовом тумане со стороны города появляется Люда. Она

одета по-походному, за спиной у нее рюкзак.

Впрочем, я тоже с рюкзаком.

— А где остальные?—

спрашиваю я.

— Идут.

И действительно, к нам подходят Мехти, Батин и еще кто-то.

Нас много, и все мы полны странной решимости отправиться в дальний путь, чтобы разыскать своих отцов.

И вот мы идем. Люди обращают на нас невнимание, спрашивают, куда мы спешим.

Мы отвечаем. Они удивлены нашей странной затеей, говорят:

— Ваши отцы мертвы. Разве можно разыскивать мертвых?

Отвечает им Люда. Она говорит, что каждый человек должен иметь отца, что так всегда было и будет.

— Безотцовщина, — горестно шелестит толпа, а Люда продолжает:

— Мой отец был летчик. Его сбили в сорок пятом. Наверное, сбили. Он вылетел на задание и не вернулся. Меня еще на свете не было, а его уже не стало. Я не знаю, какие у него были глаза, руки, рот, голос... Мне плохо без отца, и поэтому я хочу найти его. И Мехти, отец которого остался на Колыме, тоже плохо...

И снова толпа, окружившая нас, шелестит в один голос:

— Дети, мертвых нельзя разыскать. Ищите живых.

А потом мы вдруг слышим звуки мощного оркестра и дальнего хора, который поет полузабытую, но очень знакомую песню. Я с трудом разбираю лишь имя того, о ком поют. Оно часто повторяется, словно это заклинание.

Мехти кричит: «Хватит-хватит!» и бросается вперед, туда, где поют. Хор несколько стихает.

И тут я замечаю, что среди нас Евгений Петрович. Он совсем седой и опирается на палочку. «Так это же мой дед, Григорий Сбойчаков!» — думаю я, и острая радость проникает мне в душу.

— Дедушка, — шепчу я и иду ему навстречу.

— Дедушка, а где же мой отец?  
Почему ты один?

А невидимый хор бубнит:  
«Сталин... Сталин» и еще о том, что он  
отец и учитель.

И тут я слышу суровый голос  
Казанчана, который внезапно появляется  
рядом с Набоковым-Сбойчаковым:

— Гарик, разве ты забыл, что я  
заменял тебе отца? Разве ты забыл, Гарик?

Он подходит ко мне, к Мехти и к  
Люде вместе с Малаховым, нашим  
секретарем парткома. Потом я словно в  
тумане вижу лица своего отца, умершего от  
неизлечимой болезни; отца Люды, сбитого  
в сорок пятом над Германией; отца Мехти,  
который не вернулся с Колымы, и еще  
многие незнакомые и знакомые мне про-  
зрачные лица.

Мехти смотрит на прозрачное лицо  
своего отца и спрашивает, обращаясь к  
Набокову-Сбойчаковым:— Разве человек,  
убивший моего отца, может заменить мне  
отца?

Ему отвечают Малахов, наш  
секретарь парткома, и Казанчан, наш  
бригадир:

— Нет!

И в это время хор замолкает  
совсем... Набоков-Сбойчаков машет  
рукой, провожая нас.

— Вы нашли своих отцов. Идите...

Мы возвращаемся в  
Невинномысск. Я иду рядом с Карапетом и  
чувствую, что он на меня обижен. Мне  
хочется объяснить ему все, но слова  
застревают у меня в горле.

«Лучше бы он меня ударил,—  
думаю я.— Как тот раз, когда я,  
неразумный, упрекнул его в отсутствии  
мужества».

С этой мыслью я проснулся.  
Сиреневый свет падал на лицо Люды. Она  
дышала незаметно и кому-то улыбалась во  
все. Отцу, которого тоже нашла,  
улыбалась, вот кому!

## ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

### 1.

Первым проснулся Евгений Пет-

рович, потом Люда. Я и Наталья Петровна  
проснулись почти одновременно. Это было  
в начале девятого.

— Доброе утро,— сказал я всем и  
спрыгнул с верхней полки.

— Как спалось?— спросила меня  
Наталья Петровна.

Я пожал плечами. — Отлично!

Но потом я вспомнил свой сон и  
поспешил его рассказать.

— А ведь ваш сон правильный,—  
сказал с улыбкой Набоков.— Разве не ваши  
отцы те, кто продолжает дело ваших отцов?  
Они осудили культ личности,  
реабилитировали тех, кто невинно  
пострадал...

— А мне от этого не легче,—  
заметил Мехти.— Я все же хочу  
разобраться, почему у нас был тридцать  
седьмой? Разве только в Сталине дело?

— Конечно, Нет. Об этом  
говорилось на XXII съезде. Культ —  
сложное явление, которое, к сожалению,  
посеяло уныние и разочарование в слабых  
душах. Но сильных разве оно сбilo с  
правильного пути?

— Нет,— сказал я.— Во всяком  
случае, таких, как наш Карапет.

Мехти усмехнулся, сказал:

— А почему же ты тогда  
упрекал вашего Казанчана в отсутствии  
мужества? И получил по шее.

— За дело получил,— ответил я.—  
За то, что скоропалительно сделал выводы.

Спасибо отцу. Он объяснил мою  
ошибку:

—Понимаешь, сынок, Казанчан —  
человек большого личного мужества. И он  
подписал глупое признание именно  
потому, что оно глупое. В глупом легче  
разобраться, понимаешь! Именно поэтому  
Казанчана реабилитировали еще при  
культе. Нашлись умные люди, подивились  
«показаниям» Казанчана и, очевидность  
была на поверхности, поспешили  
исправить ошибку. В данном случае ему  
помогло мужество. Он не потерял голову  
перед свалившейся бедой, во всем трезво  
разобрался и действовал хладнокровно и  
умно...

### 2.

— Я с культом столкнулся раньше, чем другие, — сказал Евгений Петрович. — Еще в восемнадцатом году.

— В восемнадцатом?— хором воскликнули мы.

— Да. Я вам вчера обещал рассказать один эпизод из моей жизни. Но, конечно, не в связи с культом, а потому что он тесно связан с Невинномысском. Вот Гарик рассказывал про своего деда. Быть может, я его встречал, но не помню. Но я был в Невинке в те дни, когда твоя бабушка, Гарик, занималась вместе с другими образованием Совета депутатов трудящихся.

— Когда вы будете в другой раз в наших краях,— сказал я,— приходите, пожалуйста, к нам, поговорите с бабушкой. Она будет ужасно рада. Вдруг вы действительно встречались с Григорием Сбойчаковым, но забыли это?

— Спасибо, обязательно зайду к вашей замечательной бабушке. И с вашими товарищами из бригады познакомлюсь.

Рассказ Евгения Петровича.

«В начале восемнадцатого года я воевал на Украине в отряде Андрея Полупанова. Наш отряд совершил рейд на Киев, Житомир и Одессу. Но в то время начали наступать немецкие оккупанты. Мы с боями отошли к Ростову, а затем и на Северный Кавказ, где поднимал голову Деникин. И я очутился на своей родине — в Невинномыске.

Летом 1918 года образовалась Северо-Кавказская республика. ЦИК республики обосновался в Пятигорске. Его возглавлял председатель Рубин, о котором вы, очевидно, слышали.

Вооруженные силы республики были под началом Сорокина. Я хорошо знал Сорокина. Это был красивый человек лет тридцати, властный и храбрый. Он пользовался среди казаков авторитетом.

Скоро в распоряжении республики, кроме отрядов Сорокина, появилась Таманская армия под командованием Матвеева. И вот тут произошло то, что хорошо известно вам из истории и книги Первенцева. Я коротенько расскажу и об этом, потому что это имеет прямое отношение к дальнейшему.

Однажды ревком приказал Сорокину выдать часть кавалерии в помощь украинским отрядам, державшим позиции у Батайска. Сорокин отказал.

Ревком послал гонца к Матвееву с распоряжением выступить к Батайску. Матвеев решил действовать, но к нему прискакал адъютант Сорокина и сказал, что главком требует его к себе. Матвеев подчинился.

— Ты не пойдешь на Батайск,— сказал Сорокин Матвееву.

— Но есть приказ ревкома, и я его выполню.

— Нет, не исполнишь! — закричал Сорокин и выхватил револьвер. Двумя выстрелами он убил Матвеева.

Это быстро стало известно ревкому. Он срочно собрался и решил арестовать Сорокина для того, чтобы судить его.

Сорокин узнал о решении ревкома и без промедления прискакал в окружении личной охраны в Пятигорск, схватил Рубина и члена ревкома Крайнего. Они были расстреляны около Машука.

Сорокин всегда жаждал огромной личной власти. Но он прекрасно понимал, что убийство руководителей ему не простят. Поэтому Сорокин начал действовать известными методами. Он от имени Советской власти объявил, что Рубин, Крайний и Матвеев — враги революции и поэтому они расстреляны за измену.

Одни поверили Сорокину, другие — нет. Но как бы там ни было, республике угрожала опасность. Те, кто прекрасно понимал, чем грозит Северному Кавказу единоличная власть Сорокина, действовали решительно и быстро. В Невинномыске собрался чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа. Три бронепоезда и десять броневиков охраняли подступы к Невинномыску.

Я был в числе охраны съезда. Съезд решил арестовать Сорокина и послать в Москву делегацию с докладом о сложившейся ситуации.

Делегация была послана, а вот как арестовать Сорокина?

И тут жизнь бросила меня в

самую гущу событий.

Верные революции части начали стягивать вокруг Сорокина кольцо. Он это видел и в открытый бой с превосходящими силами не вступал. После съезда Сорокин снова ворвался в Пятигорск, забрал ценности и умчался во главе своей личной охраны. Но куда, никто не знал. Возникло мнение, что он может перебраться к Деникину. Надо было не допустить этого. Но как?

Отряд бронечастей, в которых я служил, располагался на окраине Невинномысска. Я жил в районе шерстомойной фабрики на своей старой квартире. Там же квартировали многие мои товарищи. Около фабрики жили преимущественно рабочие, и мы чувствовали себя хорошо у них в гостях.

И вот однажды меня вызвали в штаб. Там сидели командир, комиссар отряда и высокий незнакомый мне человек.

— Товарищ Набоков, — сказали мне, — вы готовы умереть ради победы революции?

Я ответил без колебаний.

— Да, готов.

— В таком случае мы дадим вам чрезвычайно важное и очень опасное задание. При его выполнении у вас, очевидно, не будет шансов на жизнь. Вы не колеблетесь?

— Нет!

— Тогда слушайте. Вам известно, что Сорокин очень опасный человек. Он поставил выше революционной власти свою личную власть. Может, он метит в Наполеоны, неизвестно. Во всяком случае Сорокин уже нанес непоправимый удар по делу революции, уничтожив трех преданных ленинцев. Съезд решил предать бывшего главкома суду...

Так я узнал, что в голове неизвестного мне высокого человека родился отчаянно рискованный план, который заключался в том, что он во главе таких же добровольцев, как я, отправляется на свободный поиск Сорокина. Наш небольшой отряд должен незаметно встать на пути бывшего, главкома и завязать с ним бой. Сорокин не откажется от схватки с малочисленным отрядом и, конечно,

постарается хоть кого-нибудь из нас взять в плен. Он ведь дезориентирован, ему неизвестно, где располагаются наши части, где белые. И вот по плану нам нужно было сдать на милость Сорокина и на допросе так запутать его, чтобы он, уверившись в правдивости показаний, бросился прямо в железные объятия какого-либо крупного революционного отряда Таманской армии.

В плане было лишь одно уязвимое место — мы шли на явную смерть ради того, чтобы погубить Сорокина. У всех ли добровольцев до конца хватит мужества?

Хмурый и молчаливый человек, возглавивший наш отряд, пытливо вглядывался в каждого из нас. Его глаза как бы спрашивали: «Что в тебе, человек, сильнее — мужество или инстинкт самосохранения?»

И мы ему отвечали тоже взглядом:

— Мужество!

И он тогда отворачивался и смотрел в окно, нетерпеливо барабанил пальцами по столу.

Знаете, он произвел на меня огромное впечатление. Я до сих пор спрашиваю: «Кто он был? Фанатик, спокойно идущий на смерть, или человек с такой огромной жадной жизни и полный любви к людям, что поэтому ничто не может испугать его?» И я смею думать, что он был не фанатиком, а одним, из тех, кого мы называем сейчас бесстрашными ленинцами. Впрочем, мы тоже не были фанатиками, а хорошо знали, на что идем и во имя чего идем.

И вот мы сели на коней и отправились выполнять задание.

Под вечер следующего дня мы встретили в степи чабана, который сказал, что двумя часами раньше мимо него промчался на рысях большой отряд, человек в двести. Он двигался на северо-запад. По всем признакам это был Сорокин и его личная охрана. Наш хмурый командир велел загнать лошадей, но настигнуть отряд Сорокина.

Мы нагнали его глубокой ночью. И это случилось километрах в тридцати западнее Невинномысска. Очевидно, бывший командарм спешил в район Ставрополя, где, по всему судя, были

отряды Деникина.

Мы со всеми предосторожностями спешили. Наш хмурый и суровый командир сказал.

— К Деникину спешит, сволочь!

Потом он оглядел свой маленький отряд, размышляя о своем, и велел одному из нас сесть на самого неутомленного коня.

— Они отдыхают,— сказал командир.— Мы нападём не раньше чем они тронутся в путь. А ты тотчас отправляйся в Невинку и предупреди. Таманская армия где-то на подступах к Ставрополю. Было бы неплохо, если бы она уже вышибла деникинцев из города. Во всяком случае мы направим его прямо в Ставрополь. Пусть соображают на месте, как им лучше устроить перехват.

— Ну, скачи! И... прощай, товарищ!

Мы все попрощались с ним, сурово, по-мужски. Все были как железные. Никто не передал через гонца даже малой просьбы.

Мы укрылись в небольшой балочке, густо поросшей высоким кураем, и неустанно следили за отрядом Сорокина. Я лежал рядом с нашим командиром и осторожно курил в рукав. Он сказал мне:

— Нервничаешь, товарищ?

— Да,— признался я. Ему врать было нельзя.

— Видишь ли, товарищ,— сказал он,— самое страшное для человека — умереть, снова уйти в небытие, из которого он пришел. Но что поделаешь, если нам досталась такая нескладная доля...

И в это время сорокинцы стали седлать коней.

— Пошли, товарищи, — устало сказал наш командир.— Нам надо быть поближе к ним. И лучше без коней.

Пройдя от балки метров двести, командир велел всем подойти к нему.

— Может, кто-либо не уверен в себе? — сказал командир.— Признайтесь, пока не поздно.

Все молчали.

— Тогда начнем, — сказал командир, лег на землю и пополз попластунски. Он полз, как ящерица, быстро, ловко.

После первых же выстрелов сорокинцы поняли, что нас мало. И они не стали отступать, а просто взяли наш отряд в кольцо, и через полчаса настала развязка. Невредимых осталось четверо: я, командир и еще двое, остальные были убиты или ранены. И вот тогда командир нацепил на штык винтовки белую тряпку и поднял ее, а мы перестали стрелять.

Сорокинцы осторожно приблизились к нам. Мы встали во весь рост, и они схватили нас.

К нам подскакал Сорокин с хлыстом в руках и заорал, увидев на наших фуражках звезды:

— В кого стреляли, г... Я Сорокин, главком республики.

— Был,— ответил наш командир,— а теперь ты подлежишь аресту. За убийство Матвеева, Рубина и Крайнего...

Сорокин начал ломать перед нами комедию. Он велел своим людям освободить нас и с наигранной грустью сказал:

— Товарищи, я убрал врагов революции. Они замыслили измену.

— Врешь, Сорокин,— отвечал наш командир,— это ты предал дело революции и стал ее врагом. Тебе пощады не будет! Ты не товарищ нам, предатель!!

Красивое лицо Сорокина потемнело, но он сдержал свой гнев. Я впервые видел его так близко и почувствовал, что он безмерно самолюбив. Он, очевидно, был из тех людей, которые никогда не прощают обид и не знают меры своей жестокости. И я понял, что он хуже бешеной собаки, и порадовался, что его быстро разоблачили. Сколько бы вреда он нанес нам, не случись убийства Матвеева и будь он дальновиднее, умнее! Его погубило отсутствие гибкости, прямолинейность и нетерпение.

— Ты тоже враг революции,— скорбно сказал Сорокин нашему командиру,— а я с нимине привык церемониться. Все вы враги...

Он махнул рукой, вперед выбежали несколько казаков и взмахнули острыми шашками. Двое наших товарищей упали, обливаясь кровью, под их ударами.

Командир понял, что он где-то допустил ошибку и что наш план может не увенчаться успехом, закричал:

— Пощадите!

Но было поздно. Я видел, как его ударили крест-на-крест шашками по голове, и понял, что настал мой час. Я бросился вперед к Сорокину, упал на колени, умоляя в милосердии... Для того унился, чтобы не было на земле Сорокиных, чтобы всегда торжествовала высшая революционная справедливость!

Остальное вы знаете. В ту же ночь, когда Сорокин последний раз разбойничал в Пятигорске, части Таманской армии вышибли из Ставрополя деникинцев, расположились в нем.

А потом было... Впрочем, представьте себе такую картину.

Был яркий солнечный день. В Ставрополе в каждом доме уставшие красноармейцы. Кони — нерасседланные, лишь с приотпущенными подпругами, сонно жуют овес. По улицам ходят горожане, весело переговариваются.

И вдруг это обманчивое спокойствие нарушает духовой оркестр. Он играет полузабытый гимн «Боже, царя храни». Люди с недоумением смотрят по сторонам, не верят своим ушам.

А по улице идут белоснежные лошади. На них всадники в черкесках. И впереди, конечно, на коне, который звонко цокает подковами о камни мостовой, едет красавец казак. За ним — сияющий медью оркестр.

В Ставрополь пожаловал сам Сорокин. Он не успел опомниться, как был схвачен. Его охрана была частью перебита, частью взята в плен.

Бывшего главкома заключили в тюрьму и приставили к камере часового. К сожалению, он был там убит младшим братом Матвеева, который горел ненавистью и не стерпел. Матвеев-младший прикрикнул на часового, тот отступил. Шагнув в камеру, Матвеев-младший вытащил маузер и, не целясь, разрядил в Сорокина всю обойму...»

Мехти поднялся со своего места и подошел к Евгению Петровичу и посмотрел ему в глаза. А мы сидели молча. Каждый думал о своем.

Я, например, о своем дедушке, которого никогда не знал и не видел. Люда терла пальцем вагонное стекло и шевелила губами. Можно было подумать, что она хочет что-то сказать, но волнение мешало ей. Впрочем, мне — тоже.

Молчание нарушила Наталья Петровна. Она сказала, обращаясь к Набокову:

— А как вы остались в живых?

Мы все словно ждали этого вопроса, ждали ответ. Евгений Петрович улыбнулся. Мехти сел рядом с ним.

— Случайно,— сказал Набоков.— Впрочем, не только я один...

— А кто еще?

— Двое наших, раненных во время перестрелки.

— А ваш командир?

— Нет. Он умер, очевидно, сразу.

...Когда я впервые услышал от бабушки историю деда, меня почему-то поразило именно необычное обстоятельство его гибели. И я часто представлял себе высокого человека в буденовке, который яростно защищается от нападающих на него казаков. Звенит сталь, тяжело дышат бойцы. Иногда шашки высекают друг из друга длинные голубые искры. А дед отступает и вдруг, споткнувшись, не успеваешь отразить очередной удар и... не голубые искры вспыхивают перед глазами убийц, а кровь, алая кровь лучшего из людей орошает их!

Так ли это было? Не знаю, не знаю... Это удивительно, как много мы не знаем!

— Вы знали фамилию вашего командира?— спросила Люда Набокова.

Он отрицательно покачал головой. Потом подумал, сказал:

— Его звали Григорий. Впрочем...

У меня от волнения на лице выступил пот и я хрипло сказал:

— Евгений Петрович, а вдруг это был мой дед?

